

Гы *Горь* *Рнел*
ХОДА *11. Бурд*
№ *57/1289* *21/5 910*

Московскіе отклики.

Рыданія и смѣхъ звучатъ рядомъ... Въ одинъ и тотъ же вечеръ мы стояли въ слезахъ у свинцоваго гроба, привезеннаго изъ Ташкента,—и весело смѣялись мѣткому, не зазубрившемуся за это слишкомъ лѣтъ остроумію Бомарше. Тѣ же руки возлагали на этотъ гробъ прощальные цвѣты и апплодировали находчивому Фигаро и влюбленному Керубино.

Я не стану подробно разсказывать, какъ Москва прощалась съ дорогимъ прахомъ и провожала его въ Петербургъ. Скажу только,—такъ еще никогда не провожали останковъ актера. Вспоминались похороны Трубецкаго, Чехова. Ярко выразилась любовь къ Коммиссаржевской. Лишь имя исключительной популярности, имя, которое не только на губахъ, но живетъ въ сердцахъ, могло собрать ту многотысячную толпу, которая залила площадь между двумя вокзалами. Тутъ былъ не одинъ десятокъ тысячъ. Не будьте очень уже трезвыми скептиками, не говорите, что ихъ привело сюда только пустое любопытство. Ну, конечно, были, навѣрное, и любопытные, пришли смотреть зрѣлище. Не они преобладали. Преобладали глубоко опечаленные, съ тоской и болью смотрѣвшіе на колыхавшійся надъ головами свинцовый гробъ. И въ ихъ множествѣ потонули равнодушные зрители, заразились отъ нихъ печалью.

Оттого, что вся церемонія перенесенія праха происходила въ темнотѣ, въ густыхъ сумеркахъ вечера,—была она особенно жуткою и тоскливою. Ташкентскій поѣздъ, которому пришлось пропустить впередъ поѣздъ съ военнымъ министромъ, значительно опоздалъ. И пока отсмужили у траурнаго вагона литію, пока вынули гробъ и донесли чрезъ залитой народомъ вокзальный дворъ до площади,—погасли послѣдніе лучи, стало совсѣмъ темно. Лишь кое-гдѣ дрожали на живомъ морѣ пятна молочнаго свѣта. Всѣ

эти десятки тысячъ певелились и глухо гудѣли во мракѣ. И сквозь него такъ зловѣще поблескивалъ тусклый металлическій гробъ. А черезъ гулъ сдерживаемыхъ голосовъ прорывались звуки «Вѣчной памяти», которую пѣлъ молодой студенческой хоръ. Была эта площадь—точно какое-то ночное видѣніе.

Когда мы, встрѣчавшіе гробъ, съ большимъ трудомъ добрались до Николаевского вокзала, подошли къ обитому траурными матеріями вагону, въ которомъ Коммиссаржевская совершитъ свой послѣдній переездъ,—въ вагонѣ была уже непроглядная ночь. Въ эту ночь вдвинули поблескивающій ящикъ. Опять наплывъ скорбной панихиды, съ которыми такъ свыклись за эту траурную недѣлю. Тронулись депутаціи съ вѣнками, цвѣтами. Ихъ кладутъ на гробъ во мракѣ. Имъ нѣтъ числа. Съ трудомъ различаешь лица подходящихъ. Точно тѣни движутся. Первыми подошли и положили громадный вѣнокъ изъ свѣтлыхъ цвѣтовъ актеры осиротѣвшей труппы Коммиссаржевской. За ними—Малый театръ; въ этотъ вечеръ—премьера «Фигаро», гдѣ занята половина труппы, и потому этотъ театръ представленъ лишь немногими, никого изъ главарей. Вотъ высокая фигура Станиславскаго, бѣлѣетъ его сѣдая голова. Еще театры, театральныя школы, литературныя кружки, московскія редакціи, общестуденческій вѣнокъ, вѣнки цѣлаго ряда студенческихъ обществъ, землечествъ, техникумовъ, студентовъ-инженеровъ, курейстоковъ. Всегда молодая духомъ, любившая юность, устремленная въ будущее, Вѣра Оedorовна была больше всего актрисой молодежи. И эта молодежь пришла въ громадномъ количествѣ поклониться гробу, закрыла его своими цвѣтами.

Я не достоялъ до конца обряда прощанія съ прахомъ. Мнѣ разсказывали, что когда черный вагонъ, прицепленный къ хвосту пассажирскаго поѣзда, дрогнулъ на своихъ колесахъ и покатился въ мглу ночи,—многіе не выдержали, зарыдали. Съ этимъ вагономъ уходилъ послѣдній матеріальный слѣдъ Коммиссаржевской...

Сейчасъ толкуютъ о различныхъ способахъ закрѣпить этотъ слѣдъ, чтобы не скоро смыла его «рѣка времени», увѣковѣчить па-

мять славной актрисы, такъ ярко и такимъ чистымъ свѣтомъ свѣтившей въ русскомъ театрѣ. Я не вхожу въ разборъ предлагаемыхъ способовъ, не расцѣпываю, какой лучше. Вѣроятно, всѣ они по своему хороши, и хорошо, если всѣ будутъ осуществлены,—и койки, и стипендіи, и санаторіи, и преміи за драматическое произведеніе. Я позволю себѣ сейчасъ обратить вниманіе моего читателя на одинъ.

Не должна никогда забыться и затеряться могила Коммиссаржевской. И памятникъ и этой дорогой могилѣ долженъ быть не родныхъ, не близкихъ друзей, но всего русскаго общества. Умѣстно ли говорить, что полезнѣе? Такой памятникъ—необходимость. Починъ въ этомъ дѣлѣ взять на себя московскій литературно-художественный кружокъ. Взять на себя и сборъ средствъ, и самое осуществленіе памятника, для чего будетъ составленъ особый комитетъ, изъ представителей театровъ, художниковъ, писателей, членовъ семьи Вѣры Оedorовны. Въ кружкѣ объединены лучшія актерскія, литературныя и художественныя силы Москвы. Онъ сумеетъ достойно выполнить то дѣло, которое взялъ на себя, глубоко опечаленный смертью Вѣры Оedorовны.

Всѣхъ, кому дорога память Коммиссаржевской, призываю я откликнуться и принять участіе въ памятникѣ ей своими взносами. Адресовать ихъ нужно: Москва, Б. Дмитровка, д. Востряковыхъ, литературно-художественный кружокъ. Не откажутся, конечно, принимать эти взносы и конторы петербургскихъ редакцій, для пересылки кружку.

Я говорилъ,—въ этотъ же скорбный вечеръ проводовъ въ Маломъ театрѣ сыграли «Свадьбу Фигаро». Конца-то эта смѣлая комедія, въ которой подъ маскою веселой шутки—столько горькой правды, и у которой эпиграфъ: «Ради шутливой богины не обезсудьте мысли»,—прозвучала, какъ набатъ. Ее считаютъ предвозвѣстникомъ великой революціи. Устами Фигаро заговорила демократія, язвила сарказмомъ, выкрикивала слова негодованія и обиды, требовала своего мѣста на пиру жизни. Какъ удивительно, что эта комедія, въ Парижѣ сыгранная въ 1784 г., уже въ 1787 г. могла идти въ московскомъ петровскомъ театрѣ.

Пьеса не состарилась ни въ своей художественной прелести, ни въ своемъ комизмѣ, ни въ своихъ идеалахъ. Не знаю, какъ реагируетъ на нее французская публика. Вѣроятно, какъ на историческое воспоминаніе. У насъ она и сейчасъ многимъ звучитъ достаточно современно. И когда Фигаро въ своемъ знаменитомъ монологѣ заговорилъ о свободѣ печати, которой разрѣшается говорить о всемъ, кромѣ того, что запрещено и противъ чего ничего не имѣютъ два или три цензора,—въ Маломъ театрѣ, всегда такомъ чопорномъ и туго разогнутомъ, загремѣли въ нарушение всѣхъ правилъ апплодисменты.

Пьесу играетъ «старая гвардія». Пожалуй, фигуры Бомарше чуточку и отяжелѣли. Но это искупилось виртуозностью и блескомъ исполненія, громаднымъ юморомъ. И зритель завлекался въ хитро запутанную ткань пьесы, зритель отвѣчалъ такимъ веселымъ, такимъ молодымъ смѣхомъ. Онъ не затихалъ въ залѣ. И когда публика расходилась, у всѣхъ были точно помолодѣвшія лица, такъ хорошо, радостно возбужденныя.

Фигаро—г. Южинъ, умный, веселый, иногда, гдѣ нужно, злой и темпераментный. Всѣ фразы—точно отчеканенныя. Не даромъ онъ такъ долго мечталъ объ этой роли. И, право, охотно прощаешь, что его Фигаро на нѣсколько лѣтъ старше, чѣмъ бы ему полагалось быть. Такъ же охотно прощаешь и Сюзаннѣ,—за рѣдкое мастерство, легкость и выразительность рѣчи, простоту, изящество и яркость г-жи Ленковской. Нѣкоторыя фразы она говоритъ во-истину очаровательно. Отличный Керубино—г-жа Гзовская. Кипитъ молодость. Пожалуй, ей Керубино—больше удаецъ и сорванецъ, чѣмъ хотѣлъ Бомарше, и меньше чувствительный юноша. Но за удалю исполнителя хочется спрятать женственность и придать побольше правдоподобія travesti. Изящная, очень въ стилѣ, графиня г-жа Яблочкина. Хороши комки. Иногда хотѣлось бы, чтобы спектакль шелъ въ еще болѣе быстромъ и легкомъ темпѣ, иногда не застаивался, не тяжѣлъ. Но наши театры такъ отвыкли отъ такого темпа, отучены отъ него современной драматургіей.

Во всякомъ случаѣ, одинъ изъ самыхъ удачныхъ спектаклей въ Маломъ театрѣ въ этомъ, исключительно для него удачномъ, сезонѣ. И совсѣмъ бурный успѣхъ. Какъ-то, въ самомъ началѣ этого театральнаго года, я писалъ, что наконецъ-то фортуна милостиво улыбнулась Малому театру. Она сохраняетъ эту милостивую улыбку до конца. Театръ закончить свой сезонъ съ блестящими матеріальными результатами, а главное,—среди вернувшихся къ нему симпатій Москвы.